

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Гуревич Каролина Игоревна

ОБРАЗ ПОЛОВЦЕВ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКАХ

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
к.ф.н. Литвина Анна Феликсовна

Москва 2021

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Половцы известны как наиболее многочисленный и активный тюркоязычный кочевой народ Евразийской степи в XI-XII веках, взаимодействие с которым оказало существенное влияние на историю Византийской империи, Грузинского царства, Венгерского королевства, Киевской Руси и других средневековых государств.

Половцы не оставили собственных письменных свидетельств, однако их образ навсегда запечатлелся в исторических источниках тех культур, с которыми соприкасались эти кочевники. Враги, налётами опустошающие земли оседлого населения; союзники, помогающие одержать победу в значимых битвах; военные противники на полях сражений; свойственники, неукоснительно соблюдающие интересы династических браков – таковы противоречивые роли половцев описываемые на страницах различных, а нередко одних и тех же средневековых текстов.

Настоящая работа посвящена исследованию способов репрезентации половцев, анализу различных типов оценок степняков: от явно выраженных в риторике нарратива до латентных, эксплицируемых при помощи лингвистического инструментария. В работе рассматривается отражение фактических политических взаимодействий между половцами и средневековыми государствами в письменных традициях этих стран, фиксируется влияние конфессиональных, политических и социокультурных взглядов книжника на создаваемый им образ половцев. При этом учитывается специфика дискурса, в котором существует каждый из привлекаемых источников, особенности его прагматики. Особенное внимание в исследовании уделено древнерусской письменной традиции, отражающей тесное и, что важно, долговременное (длящееся около двухсот лет), взаимодействие половецкой и русской элиты, не только находившихся в территориальной близости друг от друга, но также связанными на дипломатическом и генеалогическом уровнях.

Актуальность исследования

Исследование с рядом оговорок (о них подробнее ниже) попадает в широкое поле работ по изучению образа «другого» в письменных традициях. Историческая имагология (имиджелогия) как комплексная дисциплина, фокусирующаяся на формировании, сущности и исторической изменчивости образов «своего» и «иноного» получает широкое освещение в середине XX века в работах французских исследователей, изучавших вопросы сравнительно-исторического литературоведения (Ж.-М. Карре, М.-Ф. Гийяр), получает новые методологические основания в работах Х. Дизеринка и М. Фишера и в конце XX века выходит за пределы западноевропейской академии, утверждаясь в компаративистских трудах широкого круга исследователей. В частности, в работах российских ученых, таких как Н. П. Михальская, А.Ф. Строев, В.П. Трыков, М.А. Бойцов и другие.

Исследование отношения средневекового автора к половцам, входящим, с одной стороны, в круг ближайшего взаимодействия элиты государства, но, с другой стороны, демонстрирующим яркие различия в религиозных, социальных и культурных аспектах, позволяет расширить представления о наиболее ранних этапах создания образа «иноного» в литературе.

Разграничение «своего» и «чужого», «иноного» относится к области одних из самых значимых и неоднозначных культурологических, исторических и философских проблем. Как иная культура, проходя через ряд перцептивных процессов, трансформируется в конкретный усвоенный образ «иноного»? Какова связь этого образа с коллективными и индивидуальными попытками самоидентификации и устоявшейся картиной мира? Формулировать ответы на эти вопросы можно как в диахронической, так и синхронической перспективе, при этом попытка определить истоки и проследить трансформацию образа «иноного» может расширить представления о современных механизмах самоопределения больших и малых сообществ, оценить роль исторической памяти в сегодняшних процессах осмысления индивидуализирующих черт в деятельности широкого спектра политических и социальных объединений.

Именно сегодня, когда во многих сферах культуры и общественно-политических практик наблюдается, с одной стороны, нарастание противоречий между интересами разнообразных групп, а с другой стороны, вырастает запрос на эффективные стратегии выстраивания диалогов между ними, на преодоление разделяющих характеристик в пользу поиска объединяющих факторов, исследование, направленное на анализ исторических примеров определения «своего» и «чужого» становится особенно актуальным.

Параллели между современными способами самоопределения, активно используемыми в медийном пространстве и механизмами разграничения «своего» и «иного» сложившимися в средневековый период, обнаруживаются уже на поверхностном риторическом уровне. Например, наделяние положительными чертами группы, принадлежность к которой кажется безусловной, и отнесение отрицательных характеристик к отдельным представителям или целым группам, которые необходимо максимально дистанцировать и вынести за рамки области «своего» и «близкого». Так, в исследовании обращается внимание на многочисленные отрицательные эпитеты, определяющие половцев в средневековых источниках и встречающиеся в различных письменных традициях, в частности, такие коллективные характеристики, как «легкомысленные и непостоянные», «коварные нравом», «окаянные» и т.д., а также индивидуальные: «злу начальник», «треклятый», «шелудивый» и т.д.

Безусловно, соотнесение современных моделей самоидентификации и исторических установок на порицание «чужого» возможно лишь с рядом оговорок. Очевидно, например, что военные конфликты усугубляют процессы отчуждения оппозиционных обществ и культур и активацию поиска объединяющих и самоизолирующих факторов (религия, образ жизни, обычаи и т.д.). В работе показано, как в случае с половцами функционирует, например, феномен конфессионального различия. Политеизм, которого, судя по археологическим данным, придерживались половцы (несмотря на частые

попытки христианизации) с момента своего появления в Евразийских степях вплоть до монгольского нашествия, использовался древнерусскими христианскими авторами как претекст к разворачиванию целого комплекса пейоративных характеристик именно во время нападений отдельных половецких орд на седентеризованные сообщества. При этом та же конфессиональная дифференциация оказывалась малосущественным фактором в описании дипломатических практик. Примеры того, как выделенный фактор становится основой противопоставления «своего» и «чужого» в периоды военных столкновений, бесспорно, наблюдаются и в истории последних десятилетий. Отсюда можно заключить, что попытка охарактеризовать связь основных «провоцирующих» факторов с существующими в исторической памяти репрезентативными моделями позволит прогнозировать современные процессы самоидентификации.

Тема исследования. В предлагаемой работе рассматривается образ половцев, сформировавшийся в отдельных письменных свидетельствах народов, взаимодействующих с этими кочевниками. Центральное место в исследовании отводится летописной традиции Киевской Руси, представляющей яркую картину влияния конфессиональных, политических и социокультурных взглядов русского книжника на представляемый им образ степняков. Особое внимание в работе уделяется нарративной структуре летописей, ведь, помимо всего прочего, именно на этом уровне текста вырабатываются дескриптивные модели, которые будут использоваться спустя длительное время после вытеснения половцев татарами, т. е., для нас важно, что, покинув политическую арену, половцы не исчезают из летописной и смежных с ней традиций.

Объект исследования. Исследование основывается в первую очередь на материале трех древнейших русских летописных сводов — Лаврентьевского, Ипатьевского и Новгородской первой летописи, изобилующих сообщениями о взаимодействии домонгольской Руси с половецким миром. Выбор указанных текстов в качестве центрального объекта

исследования помимо обширности материала обусловлен особым положением летописей среди средневековых источников: здесь, пусть и с целым рядом ограничений, прослеживается перспектива рассказчика-современника, наблюдающего и оценивающего взаимодействие с половцами.

С одной стороны, летописные данные сопоставляются со сведениями текстов, близких по жанровым характеристикам, но представляющих другую культурную традицию: в частности, венгерскими анналами (Иллюстрированная хроника, «Деяния венгров»), грузинскими хрониками (Картлис цховреба), византийской историографией («Алексиада» Анны Комниной). С другой стороны, летописные фрагменты сопоставляются с источниками иных жанров, представляющих развитие той же письменной традиции (прежде всего Киево-Печерский патерик). Обращение к подобной разноплановости источников с отведением русским летописям центральной позиции призвано представить объемную картину восприятия половцев, избежав при этом возможной фрагментарности и мозаичности.

Предмет исследования

Предметом данного исследования является семантика сведений о половцах (в русских летописях; «куманах»/«команах» в византийских источниках; «кипчаках» в грузинских хрониках), включающая в себя семантику оценочных и неоценочных характеристик, сравнительных конструкций, отсылок и других элементов нарратива.

Цели и задачи исследования. Основной задачей диссертации стало исследование способов репрезентации половцев в летописи, анализ различных типов оценок степняков: от явно выраженных в риторике нарратива до латентных, обнаруживаемых при помощи лингвистического инструментария (в частности, анализа дейктических конструкций). В подобном сочетании многоуровневого анализа летописного текста с целью характеристики образа половцев в нем предлагаемая работа может найти нишу в массиве исследований, посвященных самым активным кочевникам восточноевропейских степей XII-XIII столетий, оказавшим существенное

влияние на историю целого ряда средневековых государств.

Для достижения цели исследования были сформулированы следующие основные задачи:

1. Аккумулировать характеристики половцев на различных нарративных уровнях в средневековых письменных традициях Древней Руси, Византии, Венгерского королевства и Грузинского Царства
2. Разработать систему критериев для сравнения извлеченных характеристик с учетом особенностей исторических источников, из которых они были получены (тип источника, тип дискурса, в котором он функционирует, объем фиксации исторических реалий, степень дальнейших переработок текста и, наконец, прагматика текста).
3. Провести сравнительный анализ полученных характеристик с последующим выделением инвариантных черт образа половцев и характеристик, индивидуальных для каждой письменной традиции.
4. Выявить литературные и риторические приёмы, использованные для создания образа половцев.
5. Разработать и апробировать лингвистический инструментарий для оценки роли образа «инога» в нарративной системе средневекового текста.
6. Оценить степень близости результатов, полученных в ходе лингвистического анализа, с характеристиками, обнаруживаемых в нарративной риторике.

Последовательное выполнение сформулированных задач способно доказать или опровергнуть выдвинутую гипотезу и представить максимально многогранный образ половцев в различных письменных традициях.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Существует значительное расхождение между комплексом характеристик, приписываемых половцам на риторическом уровне нарратива рассмотренных средневековых хроник и действительной практикой взаимоотношений элит, фиксируемой этими же хрониками. Данное расхождение может сохраняться на протяжении всего повествования о политическом сотрудничестве и обуславливаться как общей ригидностью образа «чужого» в средневековой литературе, так и дискурсивной спецификой отдельных текстов.
- 2) Образ половцев в средневековом тексте оказывается в прямой зависимости от прагматической направленности, а также условий создания и функционирования текста, формирующего этот образ. Прагматика средневекового текста, варьирующаяся в своём многообразии, остаётся основным фактором, ограничивающим эволюцию образа половцев на страницах исследуемых источников.
- 3) Такой лингвистический инструмент, как дейксис, позволяет выявить живой интерес средневекового автора к половцам как участникам нарратива и преодолеть ригидность риторического уровня средневекового текста. Анализ дейктических моделей в летописных известиях о союзе с половцами позволяет говорить о способности нарратора выстраивать повествование с учетом точки зрения половцев, передавать им право определять темпоральные характеристики (дейктические конструкции с «тогда», «завтра», «ныне» и др.), персональные противопоставления («мы» vs. «вы», «наши» vs. «ваши») и пространственные показатели (дейктические модели со словами «здѣ», «туто», «близь» и др.).
- 4) Генеалогия половецких родов, выстраиваемая рассмотренными хрониками наряду с генеалогией собственных элит, демонстрирует вовлеченность средневекового автора в процесс взаимодействия с половцами. Такие генеалогии реконструируют последовательность значительного числа поколений (вплоть до четырёх), но при этом опираются лишь на ключевые

для нарратива фигуры, что приводит к потере важных элементов генеалогических цепочек.

- 5) Компаративный анализ средневековых письменных традиций показывает, что образ половцев оказывается гармонично встроенным в образную систему порождающего его средневекового текста, взаимодействуя с её центральными компонентами, в частности, с образом идеального правителя. Изображение половцев в ряде хроник (грузинские, византийские, венгерские) оказывается подчинено образу абсолютно мудрого царя-военачальника, положительные характеристики которого корректируют и во многом формируют образ этих кочевников.
- б) Образ половцев включает в себя эволютивные компоненты, которые способны инструментализироваться во фрагментах нарратива более поздних средневековых текстов. В нарративе источников, в задачи которых входит описание predetermined страдания, половцы становятся каузаторами, но не детерминантами страдания, причем подобная инструментализация выражается в том числе и на лингвистическом уровне (в частности, в замещении активных форм пассивными причастиями и использованием агентивного дополнения).

Изображение половцев включается в программу «доместикации» христианской культуры, «освоения» общехристианской истории, где половцы как «каузаторы» страдания символическим «замещают» значимые в религиозно-историческом контексте народы и/или политические фигуры

Анализ степени разработанности темы исследования

Половцы и их взаимодействие со средневековыми государствами многократно становились объектом наблюдения в трудах историков, лингвистов и этнографов. Тем не менее, если сузить фокус внимания до авторов, которые в процессе реконструкции социальных, политических и экономических механизмов, функционирующих в общности данных кочевников, останавливаются на вопросе репрезентации половцев в письменных традициях, количество работ становится обозримым, но при этом

не даёт целостного представления об образе половцев в средневековых источниках.

Стоит отметить, что часто вопрос репрезентации половцев в исторических источниках, исходно нацеленных на фактографическое представление различных типов взаимодействий этих кочевников с оседлыми народами, косвенно затрагивается в работах ряда исследователей, не ставящих перед собой задачи имагологического анализа. Подобная ситуация обусловлена особым выбором оценочной системы координат в самих источниках: за редким исключением средневековые авторы хронографических текстов, повествуя о контактах с половцами, склонны отходить от принципов объективного и беспристрастного повествования и вступать на почву критической характеристики политических противников или союзников. Данная особенность была воспринята без должной доли скепсиса в работах XVIII-XIX веков, в частности в трудах В.Н. Татищева, использовавшего материалы летописей, которые были позже утрачены, половцы представляются исключительно как творцы набегов и разорений, чью несостоятельность в битвах признавали даже русские князья, использовавшие половцев в своих интересах. Для Н. М. Карамзина половцы являются прежде всего врагами русской государственности, при этом любопытно что в качестве постцедента к слову «половцы» Карамзин использует обозначение «варвары». Работы ранней русской историографии демонстрируют переход от перцепции к рецепции и влиянию, согласно терминологии И. Шевреля, интересным образом показывая, как из летописей заимствуются не только отдельные понятия, но и комплексные модели восприятия. В частности, Н. Г. Устрялов видел в половцах «лютых злодеев», борьба против которых была важнейшим этапом выстраивания отношений между князьями. С.М. Соловьев и впоследствии В.О. Ключевский, развивая концепцию противостояния «леса и степи», отнесли половцев к «степным варварам», затрудняющих цивилизационное развитие оседлого населения и оправдывающее многие несоразмерности политического развития Руси. П.В. Голубовский видел в

русско-половецких конфликтах сдерживающий фактор в общей угрозе кочевников для европейских государств. Таким образом, в русской историографии первые работы по проблеме взаимодействия с половцами не могут быть отнесены к исследовательской литературе в интересующей нас теме, однако не должны исключаться полностью из рассмотрения, поскольку, будучи некими «переходными» источниками, наглядно демонстрируют процесс заимствования целого комплекса репрезентационных моделей, многие из которых органично усвоены современным школьным канонem.

Наиболее полное описание исследовательской литературы до 1983 г. по вопросу взаимодействия Руси с половцами можно найти в работе Р.М. Мавродиной¹, где с неизбежными для советской гуманитарной науки педалированием марксистского взгляда на союзы русских князей с половцами, вредящим крестьянскому населению, дан обзор работ, начиная с дореволюционных исследований, заканчивая работами 1960-х годов. Особенно выделяются работы М.Д. Затыркевича, В.А. Пархоменко, В.А. Гордлевского, как авторов положительной «вторичной» репрезентации половцев. Активно использовавшие в своих трудах археологические данные Б. А. Рыбаков, С.А. Плетнева, Г.А. Федоров-Давыдов показали, насколько тесным было взаимодействие Руси с половцами, выразившееся во взаимовлиянии в сфере хозяйственных и социальных практик. Ряд выводов ученых используется в данной работе в качестве основы для оценки степени расхождения реальной практики русско-половецких отношений и фиксирующих их летописных традиций.

Приближаясь к современным исследованиям, сформировавшим дискуссионную площадку для данной работы, стоит отметить работу кембриджского исследователя Норы Беренд «At the gate of Christendom: Jews, Muslims and 'Pagans' in Medieval Hungary, C. 1000–C. 1300». Беренд фокусируется на моделях восприятия половцев, прослеживая судьбу нехристианских меньшинств на территории средневековой Венгрии. Автор

---

¹ Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники. Историографический очерк. Л., Наука. 1983

останавливается на появлении половцев в Венгрии, их последующей седентеризации и ассимиляции в венгерском обществе, при этом разбирая случаи разнообразных социально-политических конфликтах, сопровождавших этот процесс. В шестой главе монографии ('Christian Perception and Attitude') Беренд особое внимание уделяет конфессиональному фактору в процессе интеграции социальной группы в уже сформировавшееся сообщество.

Судьбу половцев в Венгрии с точки зрения встраивания их в венгерское сообщество прослеживает лингвист Éva Kincses-Nagy в статье *A Disappeared People and a Disappeared Language: the Cumans and the Cuman Language in Hungary*. Анализируя те немногие лингвистические данные, которые можно найти в виде топонимов в местах оседлости половцев, записей детских рифм и молитвы «Отче наш», автор приходит к выводу, что языковая ассимиляция произошла позднее, чем принято было думать, а значит на интеграцию половцев могли повлиять внутренние демаркационные процессы, характеризующиеся взаимным отчуждением.

В современной исследовательской парадигме интерес к восприятию половцев проявили также русские исследователи А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, не раз отмечавшие, что отношение к половцам русских летописцев было продиктовано, с одной стороны, сложившейся письменной традицией, а с другой стороны, сосуществовало с набором сложных дипломатических практик. Л. С. Чекин рассмотрел образ половцев через систему христианской географии и призму эсхатологии, унаследованными русской летописной традицией из византийских хроник. Подобный подход побудил отдельно рассмотреть в представленной работе византийские описания половцев в сопоставлении с древнерусскими моделями.

Наиболее близкими к теме исследования оказываются статья Е. Л. Конявской «Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев», где автор прослеживает «обиходное восприятие» половцев, отмечая переход образа половцев от «неперсонифицированных упоминаний»

к изображению их как «общности» или «индивидуумов», статья Д.А. Добровольского «Восприятие половцев в летописании XI-XIII вв.» подчеркивающая отсутствие механического переноса эсхатологических характеристик, амбивалентность и гибкость выявленных ранее стереотипов восприятия степняков.

Рассматривая образ половцев в средневековых источниках нельзя не вписывать его в контекст исследований феномена варварства, в частности, 'Barbarism and Religion: the First Decline and Fall' Джона Покока, где автор вслед за Эвардом Гиббоном раскрывает комплексность этого определения, столь любимого византийской традицией и её наследникам. Кроме того, стоит обратиться к работам, определяющих роль понятия «варварство» в средневековой риторике ('The Image of the Barbarian in Medieval Europe' В. Джонса, рассматривающего на базе ряда европейских средневековых хроник религиозный, территориальный, социальный, этнический и другие аспекты термина 'barbarus' в Средние века).

Наконец, образ половцев должен рассматриваться в рамках историко-имагологического дискурса, сложившегося в последние десятилетия в западноевропейской и российской академической традиции. Так, выводы исследований, заключенных в сборник «Власть и образ: Очерки потестарной имагологии» (СПб., 2010), где авторы обращаются к вопросу символического раскрытия коммуникативного аспекта власти в Средневековье, получают в предлагаемой работе осмысление в анализе взаимодействия половцев с властными элитами. Среди работ медиевистической тематики западной традиции, на которые опирается настоящее исследование, можно привести сборник 'Images of Otherness in Medieval and Early Modern Times: Exclusion, Inclusion, Assimilation' (Ed. by Anja Eisenbeiß; Lieselotte E. Saurma-Jeltsch), 'Of Strangers and Foreigners' (Ed. by Laurent Mayali; Maria M. Mart). Работы, представленные в сборниках смотрят с самых разных углов на конструирование определенных социальных (а порой чисто литературных) образов различных сообществ и на пути функционирования этих образов в

средневековом культурном пространстве.

Таким образом, литература, послужившая основой для диссертации, объединяет в себе тюркологические и источниковедческие исследования, работы, касающиеся дискурса номадизма, варварства и инаковости.

Настоящая работа учитывает перечисленные подходы различных дисциплин к исследованию исторических источников, при этом расширяет перспективы рассмотрения отдельных характеристик половцев в изолированных письменных традициях до поиска комплексного образа половцев в средневековом тексте с помощью метода компаративного анализа, а также обращения к лингвистическому инструментарию с учетом особенностей выражения субъективности в различных жанрах средневековых текстов.

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что накопленные в диссертации материалы могут быть полезны исследователям, обращающимся к изучению возникновения и функционирования образа чужого в средневековых источниках, рассматривающим возможности применения лингвистического инструментария к средневековому тексту.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования при разработке лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по истории и теории средневековой литературы, а также истории древнерусского языка.

Структура и содержание работы

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, каждая из которых делится на разделы, заключения, списка источников и литературы.

Введение

Во введении формулируется актуальность темы диссертации, обозначаются объект и предмет исследования, определяются его цели и задачи, анализируется степень научной разработанности проблемы, описывается методологическая основа.

Первая глава. Идеальный правитель, взаимодействующий с половцами: интерференция образов (на материале грузинских и древнерусских летописей)

Половцы, рано ставшие важнейшей военно-политической силой на границах евразийских степей, оказали существенное влияние на политическое поведение многих правителей. Повторяющиеся военные противостояния с половцами, вторгавшимися в пределы оседлых обществ, не были единственной формой взаимодействия с кочевниками. Правители средневековых государств уже на этапе первых появлений степняков у своих границ стремились использовать половцев как инструмент, позволяющий получить преимущество как во внутривнутриполитических конфликтах, так и во внешнеполитической сфере. В первой главе диссертационного исследования рассматривается, как практика реального взаимодействия с половцами на различных уровнях находила отражение в образе идеального правителя и характеристиках половецкого этноса. Особое место в данной главе занимает рассмотрение эпизодов грузинских и древнерусских летописей, являющихся частью по-своему похожих и в то же время во многом различных письменных традиций. Основное отличие можно кратко охарактеризовать как «разницу парадигм»: грузинский историк, приветствующий появление половцев в Грузии в качестве союзников венценосного Давида IV, с самого начала использует парадигму «союзника», выдержанную практически на всём протяжении текста, тогда как русский летописец прибегает к парадигме «врага», объяснимой в контексте повторяющихся половецких набегов на древнерусские княжества, но неизменной при всей динамике русско-половецких контактов вплоть до монгольского нашествия. Ни одна из парадигм не подразумевает ситуативных изменений в оценке, однако «союзническая» парадигма требует более стабильного основания. В диссертационном исследовании установлено, что подобным ядром «союзнической» парадигмы в грузинском тексте становится фигура царя Давида. В главе показано, как фигура мудрого правителя довлеет над образом

половцев и в то же время создаёт его, переводя отношения с половецкими родственниками из союзнической практики в вассальную, особенно заметную в описаниях походов. Также в данной части исследования демонстрируется, что впоследствии в грузинских хронографических текстах союзы с половцами продолжают рассматриваться авторами как абсолютное благо, что отчасти объясняется конфессиональным фактором (основная масса половцев приняла крещение в Грузии, что способствовало распространению христианства на завоёванных Грузией во второй половине XII века южных территориях), а отчасти обуславливается типизацией репрезентационной модели.

На примере сопоставления грузинских хроник с древнерусскими летописями в главе показана зависимость образа союзника от существования в средневековом тексте образа идеального (живого и активно действующего) правителя. Древнерусский книжник, хотя и предельно внимателен к русско-половецким взаимодействиям – тщательно отмечает общие генеалогические связи, характеризует детали взаимных дипломатических практик, – но при этом не оценивает эксплицитно динамику русско-половецкого «сотрудничества», молчаливо опровергая его политическую значимость. Более того, анализ летописных эпизодов показывает, что образ половцев, сформированный в описаниях конфликтов с кочевниками, особым образом влияет на характеристику русских князей, заключавших союзы со степняками. Наиболее уязвимым для негативных оценок автора князь становится тогда, когда вследствие его поступков страдают интересы мирного населения: летописец удерживается от прямых инвектив, однако обещания будущего воздаяния не оставляют сомнения в виновности князей, повлекших разорение «христиан». И здесь, безусловно, союзы с половцами оказываются провоцирующим элементом. Однако вся сложность характеристики половецко-союзников в древнерусской летописной традиции раскрывается, как показано в данной главе диссертации, на примере отказа в отдельных случаях от «парадигмы врага» и демонстрации книжником нейтрального, «разрешительного» отношения к русско-половецким союзам. Так, при условии

отсутствия набегов на Русь, изображение половцев гармонично встраивается в нарратив: высказывания половцев оформляются в виде прямой речи, их советы поступить тем или иным образом разворачиваются в последующих эпизодах в широкие повествовательные структуры. То есть, при всей ригидности оценок летописца, нарратив «принимает» и включает в себя фигуру половцев-союзников.

В выводах по главе обобщаются примеры многогранности и противоречивости образа половцев в эпизодах, фиксирующих взаимодействия правителя с кочевниками, постулируется определяющая роль прагматической составляющей средневекового текста в герметизации этого образа.

Вторая глава. Дейксис в описании русско-половецких взаимодействий

В древнерусских летописях половцы представлены как вспомогательное, но в то же время опасное средство в княжеской междоусобице. В главе подобное отношение летописца характеризуется с помощью метафоры обоюдоострого меча, который возводят князья на своих врагов, но которой неизбежно в итоге поражает христианское общество. Чаще всего летописец говорит только об одной стороне меча, умалчивая о преимуществах союза для русских князей. При наблюдении подобного разрыва между восприятием половцев в летописной традиции и их активной вовлеченностью в политическую жизнь Руси возникает необходимость разработки точного лингвистического инструментария, позволяющего увидеть различие в перспективах летописца и Рюриковичей на всем протяжении летописной традиции. По мере развития русско-половецких отношений ситуация с образом половцев в древнерусских летописях должна была бы измениться. Действительно, заключая союзы с Рюриковичами, половцы постепенно вовлекались в дипломатические практики, разрабатываемые и активно используемые на Руси. В подобной ситуации половцы не могли не принять существующие формы политического поведения. Летописец, безусловно, в курсе участия половцев в политической практике: не случайно

довольно часто половцы оказываются в центре повествования о политическом церемониале. «Куманоцентричность» дипломатических сцен особенно ярко выражается на лингвистическом уровне: дейктические модели, используемые летописцем, соотносятся с перспективой половецких, а не русских князей. Тем не менее, вовлеченность половцев в дипломатические церемониалы не влияет на создание положительного образа половцев. Будучи «партнерами» в политических делах, для книжника половцы остаются противниками в экзистенциальном смысле: реальная динамика взаимодействий русской элиты с кочевниками не осмысливается и не оценивается эксплицитно летописцем, хотя и тщательно фиксируется. Формально язычники половцы остаются «чужими» для книжника-христианина на протяжении всего периода русско-половецких контактов. Более того, летописец не упускает случая обрушить на половцев поток нелестных эпитетов с указанием на их «безбожную» и «беззаконную» природу. Соответственно, наблюдается противоречие между последовательным вхождением половцев в сферу внутривосточной жизни Руси, с одной стороны, и затрудненным проникновением изображения половцев на страницы летописи, с другой. Как в этом случае создается образ половцев в летописи, и удаётся ли летописцу до конца следовать принципам конструирования этого образа? В решении этих вопросов важным инструментом становится анализ использования в летописном нарративе *дейктических конструкций* – языковых элементов, идентифицирующих объект через его отношение к речевому акту². В четвертой главе позицию летописца, с одной стороны, использующего одни и те же клише в описании половцев, а с другой, повествующего о масштабной динамике русско-половецких отношений, помогает определить ключевой аспект дейктичности – соотнесенность с наблюдателем. В лингвистической науке дейксис признается уникальной категорией, которая эксплицитно характеризует отношения языка и контекста, выраженные непосредственно в структуре языка, причем на всех

---

² Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. Изд. 2-е, 2010. С. 245.

ее уровнях. Дейксис – это всегда выражение конкретной точки зрения, отсутствие объективности в распределении границ пространства и времени. Дейксис – это заведомая предвзятость рассказчика в распределении «своего» и «чужого». Именно вследствие подобной пристрастности анализ примеров с дейктическими конструкциями в четвертой главе позволяет сказать о летописном образе половцев больше, чем простое соположение эксплицитных и до крайности однообразных оценок книжника.

Третья глава. Половецкие патронимы в древнейших русских летописях: генеалогия половецких родов, взаимодействующих с Русью, и „долголетие” половецких князей

Глава представляет собой попытку преодолеть фрагментарность летописных данных и проследить русско-половецкое взаимодействие на примере нескольких генеалогических цепочек, характеризующих значимость для русских летописцев наблюдения за степью и демонстрирующих перспективу, отличную от ригидных риторических оценок. В данном разделе исследования приводятся анализы русско-половецких взаимоотношений на примере пяти половецких родов.

Основным объектом внимания главы становится половецкое имя, отображаемое русским летописцем. Собственно имена половецкой элиты – одно из немногих письменных свидетельств о половцах, которым располагают историки и этнографы. Безусловно, нужно признать определенную односторонность этих свидетельств, поскольку велика вероятность того, что они были изменены сознанием русского книжника. Однако именно этот факт оказывается преимуществом в изучении летописного образа половцев, не имевших собственной письменной традиции. Одним из этапов истории половецких (как, впрочем, и любых других иноязычных) имен неизбежно явилась их русификация. Так, в главе отмечается, что форманты -ич (-вич) в моделях половецких имен, как и в русской традиции, могут обозначать связи между отцом и сыном, а также

описывать принадлежность к определенной этнической группе, географическое местоположение, приближенность к конкретному князю или включение личности в уже известный род, при этом основной трудностью в характеристике каждого конкретного случая является выражение многозначного содержания одной формой.

В главе иллюстрируются случаи употребления патронимов, призванные соотнести отдельных половецких князей, взаимодействующих с Рюриковичами, с конкретным влиятельным половецким князем, действовавшим задолго до описываемых событий. В исследовании прослеживается, как летописец работает в таких ситуациях с патронимической формой: из-за неактуальности для него исходного имени русский хронист создает некий общий вид патронимического образования с традиционным для русской антропонимики формантом -вич.

Генеалогические цепочки, попадающие в фокус наблюдения, могут быть как необычайно длинными для средневекового текста (вплоть до четырех-пяти звеньев) и характеризовать русско-половецкие контакты на протяжении полутора столетий, так и состоять из пары звеньев, одно из которых лишь мерцает в сопоставлении различных вариантов редакции летописного текста.

В главе указывается на ряд случаев, когда реконструкция конкретного генеалогического ряда невозможна, если исследование остается в рамках русских летописных источников. Активное участие представителей половецких родов в политической жизни близлежащих к степям земель делает необходимым обращение к письменным традициям других государств, взаимодействовавших с половцами (грузинские, венгерские, китайские источники).

Помимо типологического анализа русско-половецких взаимодействий на примере истории конкретных родов в главе фиксируется длительность и периодичность этих контактов. Именно сопоставление рассредоточенных в летописи упоминаний о представителях того или иного рода позволяет

выявить ряд несоответствий в традиционном представлении о степенях родства в некоторых генеалогических цепочках.

Допуская вероятность того, что летописная традиция может фиксировать имена лишь самых известных и влиятельных князей рода (в половецкой и русской среде), в главе высказывается предположение о существовании в летописи особого способа выстраивания генеалогических последовательностей лишь по ключевым точкам, по опорным фигурам рода, при этом „промежуточные”, неактуальные на какой-то момент фигуры этого же половецкого рода исключаются из этой цепочки, теряясь на фоне своих „именитых соседей”. Таким образом, ключевое может объявляться единственным, и из истории тогда бесследно исчезает имя, а за ним и целое поколение.

Детальный антропонимический и исторический анализ половецких генеалогических цепочек в третьей главе представленного исследования дает возможность указать на сугубое внимание к половецкой генеалогии русского летописца, не соответствующим многочисленным пейоративным характеристикам в нарративе русских хроник, а также позволяет выявить ряд несоответствий и лакун в традиционном представлении о поколениях этого рода. Результаты исследования, помимо формулирования основных фактических противоречий, позволяют предложить для них возможные лингвистические и исторические объяснения.

Четвертая глава. Эволюция образа половцев

Глава сосредоточена на расширении источниковой базы до текстов смежных с летописанием, но при этом гармонично с ним взаимодействующих. Основной целью главы становится демонстрация устойчивости пейоративных характеристик половцев в Киево-Печерском патерике – комплексе текстов из писем Владимирского епископа Симона и печерского монаха Поликарпа, летописных отрывков, элементов житий, редактировавшемся вплоть до XVII века.

При переходе к анализу патериковых эпизодов в главе отмечается амбивалентность восприятия половцев в летописной традиции. Древнерусские анналы, фиксируя самые разнообразные формы взаимодействия русских и половецких князей – от серии вооруженных противостояний до долгосрочных династических союзов – обнаруживают сложную систему восприятия этих кочевников. С одной стороны, на риторическом уровне половцы в летописях, накапливая крайне отрицательные характеристики и в высшей степени нелестные сравнения, связываются с почти абсолютным злом. Подобная негативная оценка оказывается бескомпромиссной и непреложной на всём протяжении летописного текста. С другой стороны, лингвистическое исследование летописного материала, в частности анализ распределения дейктических местоимений в описании пространства или внимание к тюркской лексике, называющей детали дипломатических отношений с половцами³, позволяет говорить о подспудной перспективе летописи, где половцы – родственники, чью генеалогию летописец знает не хуже генеалогии русских князей⁴, союзники, взаимодействие с которыми обуславливает военные победы и поражения, и в целом привычный элемент реальности, часть повседневности. И если первый взгляд на половцев оказывается открыто выраженным в пейоративных характеристиках, то второй тип восприятия латентен и нуждается в дополнительной экспликации.

В главе вопрос о подобной комбинированности перспектив выводится за рамки летописной традиции с её спецификой при обращении к смежному с летописанием тексту – Киево-Печерскому патерику, который, с одной стороны, сам неоднократно становился источником для летописи, а с другой, включал в себя летописные отрывки в процессе редакций.

Хотя в целом Киево-Печерский патерик концентрируется на внутреннем

---

³ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013. С. 97-101.

⁴ Гуревич К.И. Половецкие патронимы в древнейших русских летописях. Генеалогия половецких родов, взаимодействующих с Русью, и «долголетие» половецких князей / *Colloquia Russica*. 2017. №7. С. 141-152.

мире монастыря, повествуя о жизни его насельников и непродолжительных визитах светских лиц, на страницах Патерика особым образом раскрывается и общеисторический контекст, частью которого становится изображение половцев, с которыми Русь активно взаимодействовала именно в период формирования первых патериковых сказаний. Патерик во многом открывает новую перспективу в исследовании образа половцев в памятниках древнерусской литературы, что во многом определяется самой жанровой природой и временем сложения Патерика.

Изображение половцев в Киево-Печерском патерике отличается по степени масштабирования образов. Так, с долей условности можно выделить два “типа” половцев как героев патериковых сказаний: половцев “периферийных”, участвующих в военных действиях, происходящих далеко от Киево-Печерского монастыря, и половцев “ближних”, появляющихся в непосредственной близости от монастырских стен или взаимодействующих напрямую с насельниками монастыря.

“Периферийные” половцы могут быть как врагами, битва с которыми, например, предстоит в будущем, так и союзниками, ответственными за несправедные деяния русских князей в далёком прошлом. Важна дистанция, как временная, так и пространственная, отделяющая “периферийных” половцев от локуса монастыря. Такие половцы могут упоминаться в одном ряду с голодом, недостатком жизненно необходимых благ, междоусобицей и другими напастями.

“Ближние” половцы появляются в Слове “О смиреннемъ и многотръпѣливемъ Никонѣ черноризци” как мучители Киево-Печерского монаха Никона, которым по молитве страдающего от их рук святого предстоит стать христианами. “Ближние” половцы наделяются эмоциями, их голос звучит на страницах патерика в косвенной речи, их образ в целом прописывается более детально.

Анализ употребления в Патерике пассивного залога в описаниях столкновений с половцами, где последние наносят урон христианам? показали, что отчужденность половцев, выражающаяся на риторическом уровне, заметна уже в элементах языковой плоскости. При этом антиполовецкие настроения на языковом уровне Патерика проявляются существенно меньше, что роднит перспективу Патерика с летописной. Основным отличием текстов разных традиций становится функционал образа половцев. Если в летописи половцы предстают неким “батогом” – инструментом наказания грешников, то в Патерике это инструмент прославления праведника.

Появление и функционирование пассивных форм в Киево-Печерском патерике, по-видимому, эксплуатирует важное свойство актантной деривации – изменение набора семантических актантов. Страдательный залог используется автором патерика в случае, если половцы становятся носителями противодействующего начала, врагами. В ситуациях союзов с половцами, которые отнюдь не замалчиваются патериком, агенс не исчезает, половцы выступают в законной роли активного деятеля. Однако и здесь подчеркивается их принадлежность к враждебному монастырю миру.

В главе показано, что разграничение активного и пассивного залогов особым образом оформляет в Патерике роли мучимых и мучителей. Страдательный залог, как бы каламбурно это ни звучало, становится проводником изображения страдания. Рассмотренный языковой инструментарий используется для создания необходимой палитры восприятия, независимо от того, в какой мере аудитория отслеживает специфику используемых конструкций. Так, появление форм активного залога или падежных форм существительных позволяет нарративу регулировать присутствие мучителей в роли агенса или агентивного дополнения, подчеркивать степень заслуженности страданий и меру ответственности мучителей (приводят ли они в действие Божий промысел о страдающем или

аккумулируют ответственность за происходящие злодеяния, перенимая её подчас у других действующих лиц). Статальность и событийность причудливым образом совмещаются в таких описаниях, показывая, что вина мучителей и страдание мучимых – разные компоненты древнерусского нарратива.

В главе делается вывод о том, что изображение половцев в Киево-Печерском патерике – тексте, уделяющем особенное внимание вольным и невольным страданиям, их источникам и последствиям в земной и трансцендентной перспективе – хотя и усваивает летописное видение половцев, однако своей прагматикой открывает новые грани образа этих кочевников в древнерусской литературе.

Методы исследования

Для выявления основных принципов формирования репрезентационных моделей в хронографических традициях мы использовали метод герменевтической интерпретации. Сопоставляя культурную семантику конкретной исторической эпохи с конкретными изображениями половцев, мы ставили вопрос о схожести кодовых систем и ноэматических структур различных традиций. Нарративный анализ текстов хроник велся на разных уровнях: внутри одного летописного фрагмента, повествующего об одном или нескольких микрособытиях, внутри одной летописной статьи, между разными статьями интересующего нас периода взаимодействий и, наконец, между выделенными статьями двух и более летописных традиций. Результатом применения нарративного подхода к исследованию хронографических текстов стало выявление целого ряда нарративных особенностей, их комментариев и описание возможных функций.

Результаты исследования

В работе показана сложная палитра характеристик половцев,

складывающихся в неразрывный комплекс как инвариантных, так и оригинальных черт, при этом формирующих ускользающий, непрерывно трансформирующийся образ в одних источниках и застывающий, столетиями неизменный в других. В результате исследования подтверждена гипотеза о наличии существенного расхождения между образом половцев, воспроизводимым целым рядом средневековых хроник, и существующей практикой взаимоотношений с половцами, описываемыми этими же хрониками, что свидетельствует о значительной устойчивости образа «чужого», перманентно исключаемом из дискурсивного плана нарратива. Лингвистический инструментарий, разработанный в данном исследовании позволяет по-новому оценить подобную ригидность в изображении половцев.

В работе делается заключение о том, что половцы, хотя и оцениваются на поверхностном риторическом уровне резко отрицательно, в изложении фактов русско-половецких связей и в щепетильности в отношении деталей половецкой генеалогии предстают не абсолютным злом. С помощью нарративного анализа удается увидеть отсутствие полной отчужденности половцев. Лингвистический анализ демонстрирует, что половцы вполне успешно встраиваются в картину мира летописца. Тогда соположение двух перспектив – явно выраженной, где половцы – абсолютное зло и латентной, где половцы – родственники и соратники, позволяет увидеть с новой стороны кочевой народ, оказавший столь существенное влияние на политику и культуру целого ряда средневековых государств. Обращаясь от панорамного взгляда на описываемые взаимодействия с половцами к детальному анализу элементов конкретного описания, можно обнаружить, насколько уверенно и динамично проникает фигура половцев в нарративную систему средневековой хроники.

8. Апробация результатов исследования (конференции, научные публикации)

Конференции и публикации

Гуревич К. И. [Дейксис в описаниях русско-половецких взаимодействий.](#) /

Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 112-131.

Гуревич К. И. Идеальный правитель, взаимодействующий с половцами: интерференция образов (на материале грузинских и древнерусских летописей)» / Шаги /Steps. №3(7), 2021. (в печати)

Гуревич К. И. Половцы в Киево-Печерском патерике / Словене (в печати)

Гуревич К. И. «Половецкие патронимы в древнейших русских летописях. Генеалогия половецких родов, взаимодействующих с Русью и «долголетие» половецких князей» / Colloquia Russica, 7, Краков, 2017, 95-111.

Гуревич К. И. Образ половцев-союзников в ранних древнерусских летописях. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С.18-21.

Гуревич К. И. О древнерусском дейксисе (на материале статей Киевской летописи 1149-1151 гг.) // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов-2016 / Отв. Ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2016. ISBN 978-5-317-05237-9»

Июль, 2019 – XVI Международная школа по русской литературе, Санкт-Петербург. Выступление «Дейксис в конструировании образа половцев (на материале древнейших русских летописей)»

Апрель, 2019 – Ежегодная VIII научная конференция «Текст. Комментарий. Интерпретация», НИУ ВШЭ, Москва

Май, 2019 – Молодежная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие», Институт славяноведения РАН, 2018

Ноябрь, 2016 – VII Международная научная конференция *Colloquia Russica* «Русь и мир кочевников (вторая половина IX в. – XVI в.)», Западночешский университет, Пльзень.

Апрель, 2016 - XXIII Международная конференция студентов и молодых исследователей «Ломоносов», МГУ

Декабрь 2015 – Международная школа «Филология и межкультурный трансфер в Европе (от античности до наших дней)», Варшава

Выступление: «Перевод средневекового текста на современный язык. Киевская летопись»

Ноябрь 2015– IV Молодежная научная конференция «Текст – комментарий – интерпретация» (НИУ ВШЭ).

Выступление: Дейктические универсалии в летописном тексте: специфика перевода